

УДК 82:1, 82:176, 82-3, 82.02/.09
DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-22

Э.Г. ШЕСТАКОВА,
доктор филологических наук, г. Донецк

ПАМЯТЛИВОСТЬ СОВЕСТИ В МОТИВЕ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА RENDEZ-VOUS НА МАТЕРИАЛЕ НОВЕЛЛЫ И. БУНИНА «ГАЛЯ ГАНСКАЯ»

Мотив *русский человек на rendez-vous* и его тип героя закрепился в творческой памяти русской словесности и культуры как изначально сложное по своей природе общественно-литературное явление. Трансформации этого мотива в национальном словесно-культурном процессе приводят зачастую к парадоксальным результатам и требуют новых методов исследования. Это обуславливает актуальность и продуктивность экстраполяции и адаптирования философско-этической идеи В. Библиера о памятности совести для изучения мотива *русский человек на rendez-vous*. Анализ новеллы И. Бунина «Галья Ганская» с позиции различения сфер морали и нравственности позволил сделать вывод: бунинские герои продолжают тургеневские традиции.

Ключевые слова: мотив, «русский человек на rendez-vous», традиция, национальный словесно-культурный процесс, памятность совести.

Мотив *руська людина на rendez-vous* та його тип героя закріпилися у творчій пам'яті російської словесності та культури як споконвічно складне за своєю природою суспільно-літературне явище. Трансформації цього мотиву в національному словесно-культурному процесі приводять найчастіше до парадоксальних результатів та потребують нових методів дослідження. Це обумовлює актуальність і продуктивність екстраполяції і адаптування філософсько-етичної ідеї В. Біблиера про пам'ятливість совісті для вивчення мотиву *руська людина на rendez-vous*. Аналіз новели І. Буніна «Галья Ганська» з позиції розрізнення сфер моралі та моральності дозволив зробити висновок: бунінські герої продовжують тургенівські традиції.

Ключові слова: мотив, «руська людина на rendez-vous», традиція, національний словесно-культурний процес, пам'ятливість совісті.

Пам'ятливість совести – это выражение, скорее, точно сформулированная концептуальная идея из статьи В. Библиера об основах и ключевых моментах культуры, для понимания которых важна нравственная память личности. В. Библиер изначально акцентирует: «...речь пойдёт именно о *нравственности*, а не о *морали*. <...> В предлагаемом сопряжении я понимаю мораль как засохшую в нормы и предписания (как надо себя вести, чтобы жить достойно) форму нравственности. Моральные догматы отцеживаются, уплотняются, обезличиваются в веках, <...> утрачивают историческое напряжение, культурную изначальность, единственность» (курсив автора – Э.Ш.) [1, с. 18]. При таком подходе нравственность и мораль оказываются во многом со-противопоставленными понятиями, дающими возможность уяснить тонкие, глубинные, уникальные и безостановочные процессы создания и существования культурных смыслов. Для В. Библиера важно, что различение морали и нравственности – это ещё и то, что «...формирует коренные образцы личности, образцы культуры различных исторических эпох – Прометей и Эдип; Христов; Гамлет, Дон Кихот, Фауст... <...> Именно поэтика и особая трагедийность таких личностей, образцов культуры и есть реальная жизнь нравственных перипетий» [1, с. 18–19]. Внимание сосредоточено на единстве поэтики и трагедийности личностей – образцов культу-

ры, – через которые возможно приблизиться и понять природу, специфику развития культуры. В. Библер, выстраивая концепцию нравственной идеи, памяти совести, обращается к художественной литературе: трагедиям Софокла и Шекспира, «Божественной комедии» Данте, «Фаусту» Гёте, лирике Пушкина, Некрасова, Маяковского, Демьяна Бедного, Цветаевой, Пастернака, Манделштама, романам Сервантеса, Стерна, Дефо, Л. Толстого. Коренные образцы личности, которые рассматриваются в качестве примера культурно-исторических эпох, – это, помимо культурных символов, ещё и знаковые литературные герои. Они представляют долгую мировую словесно-культурную традицию и оказывают существенное влияние на культурные умонастроения, ощущения.

Литературные открытия в сфере нравственности и психологизма – это одновременно достижения и культуры, и словесности как двух взаимосвязанных сфер: *живой жизни* и её специфического отражения, отображения. В связи с этим представляется вполне правомерным экстраполировать идеи В. Библера на словесно-культурный процесс, в частности, применить их для анализа мотива *русский человек на rendez-vous*. Этот мотив изначально и в критике, и в художественной литературе, и в обществе был воспринят в качестве некоего национально-культурного символа и стал репрезентантом двух неразрывно внутренне взаимосвязанных для русской культуры сфер: напряженной общественной жизни и литературы как её своеобразного зеркала и наставника. Мотив *русский человек на rendez-vous* и его тип героя закрепились в творческой памяти русской словесности и культуры как изначально сложное по своей природе общественно-литературное явление. Это обуславливает актуальность и продуктивность трансформации идеи В. Библера о памяти совести для анализа мотива, который, начиная с XIX в. и до сих пор, воспринимается не только как литературное, но и как национально-культурное явление. Мотив *русский человек на rendez-vous* в полной мере относится к комплексу мотивов, которые «...поддерживают национальную специфику литературы в течение столетий, поскольку, зарождаясь и видоизменяясь в новых обстоятельствах, они сохраняются веками...» [2, с. 7]. При этом из поля зрения исследователей ускользал один существенный момент. И странность поведения на *rendez-vous*, и мучительная неотвратимость воспоминаний для героев мотива, как правило, сопряжены с коллизией нравственности и морали как коллизией свободы выбора, чувств, своего я и давления ответственности, традиции, заданности («извне (кодекс морали) и изнутри (императивы добра)» [1, с. 18]), некоего автоматизма моральных предписаний. Однако, несмотря на важность этого, морально-нравственного, аспекта формирования и, главное, развития мотива, он не был приоритетным в литературоведении, занимающегося проблемами *русского человека на rendez-vous*.

В связи с этим основная задача и цель статьи – охарактеризовать специфику нравственности воспоминаний, природу и сущность *памяти совести* в мотиве *русский человек на rendez-vous* и проанализировать её реализацию в новелле И. Бунина «Гая Ганская» (1940). Для И. Бунина как никакого другого писателя рубежа прошлых столетий присуще постоянное обращение, тонкое обыгрывание мотива *русский человек на rendez-vous*, погружение в его смысловые толщи и нюансы. Эта новелла входит в цикл «Тёмные аллеи». Её рассмотрение сквозь призму проблем *нравственности памяти* героев мотива позволит увидеть, как вопреки катаклизму 1917 года и последовавшей за ним череде катастрофических событий, продолжает существовать и развиваться естественная целостность русского словесно-культурного процесса. Это тоже обуславливает актуальность исследования, этого *долгого* (С. Бочаров) мотива в единстве русской словесности.

«Гая Ганская» – это филигранная модификация мотива *русский человек на rendez-vous*, когда важно помнить следующее. Во-первых, мотив – это повтор (А. Веселовский, О. Фрейденберг, Б. Томашевский, Е. Мелетинский, Б. Гаспаров, Е. Ромодановская, В. Тюпа, И. Силантьев). Во-вторых, при соотношении плана мотива с планом художественного смысла сюжета «...нужно говорить именно о корреляции мотива и героя, который обнаруживает семантическую причастность к данному мотиву» [2, с. 5]. В-третьих, «...одна и та же фабула может быть «разыграна» несвойственными ей персонажами» [3, с. 6]. В новелле И. Бунина повторяется *микросюжет* (Е. Мелетинский) *русского человека на rendez-vous* в его тургеневском варианте, воплощенном – и это важно – не только в «Асе» (1857), но и в «Дворянском гнезде» (1859), «Вешних водах» (1871), отчасти и в «Первой любви» (1860). В этих

произведениях *памятливость совести* как один из значимых моментов для понимания сущности мотива, его роли в формировании, развитии единства национального словесно-культурного процесса наиболее полно проявляется [см., например, о структуре и сущности мотива 4–7].

На первый взгляд, в «Гале Ганской» мотивные модификации не только очевидны, что естественно для жизни художественного мотива, но и, на первый взгляд, слишком вольно обыгрывают и разыгрывают мотивное ядро. Можно даже предположить, что от тургеневского варианта *русского человека на rendez-vous* остаётся лишь общий абрис, стереотипное представление о нём: это мотив о слабом, неуверенном в своих чувствах человеке, эгоисте, который неспособен поддержать решительным поступком любовь и любимую, любящую женщину. В остальных моментах бунинская новелла, кажется, отличается от устоявшейся и легко воспроизводимой мотивной модели. Так, герои, будучи взрослыми людьми, не встречаются неожиданно, что и даёт толчок к зарождению чувств, наоборот. Бунинский герой наблюдает несколько лет за взрослением дочери старого друга-художника: «Гале было тогда лет тринадцать-четырнадцать, и мы восхищались ею, конечно, только как девочкой: мила, резва, грациозна была она на редкость, личико с русыми локонами вдоль щек, как у ангела, но так кокетливо...» [8, с. 353]. Однажды по возвращении из Парижа герой делает для себя открытие, базирующееся на сугубо эстетических переживаниях красоты женственности, юности. Он подмечает с тонкостью взгляда художника и пронизательностью опытного ловеласа, что героиня «...уже не подросток, не ангел, а удивительно хорошенькая тоненькая девушка...» [8, т. 5, с. 354]. Между первым и решающим любовным свиданием проходит более года, в течение которого с перерывами, но развиваются любовные отношения. Герой новеллы – это не юноша, который еще не знал любви, а представитель богемы (художник), жуир, который «как раз в ту пору провёл две весны в Париже, вообразил себя вторым Мопассаном по части любовных дел и, возвращаясь в Одессу, ходил пошлейшим щеголем... <...> и обращение с женщинами совершенно подлое по безответственности» [8, с. 353]. Кроме того, в отличие от тургеневских произведений, для которых важен мотив *русский человек на rendez-vous*, в бунинской новелле и герой, и героиня изначально, с радостью и уже во время первого свидания стремятся к полноте телесно-чувственных отношений: «Целовались ужасно, ну и всё прочее, но тогда меня жалость взяла: вся покраснелась, как огонь, вся растрепалась, и вижу, что уже не владеет собой совсем по-детски – и страшно и ужасно хочется этого страшного. <...> Стал нежно целовать ручки, успокоилась...» [8, с. 356]. Случайно встретившись через год, герои сразу же, как будто не было временной дистанции, переходят последнюю черту близости и становятся любовниками. Это, безусловно, влияет на роковой поступок девушки, совершенный ею тотчас после решающего, с её точки зрения, свидания: «У Ганского дочь отравилась! Насмерть! Чем-то, черт его знает, редким, молниеносным...» [8, с. 358].

Откровенное любование и наслаждение телесной красотой героини, взаимная, желанная интимная близость героев новеллы может трактоваться как ключевой отличительный момент, демонстрирующий существенное различие между тургеневским и бунинским вариантами мотива. Интимно-чувственными ощущениями определяются воспоминания героя И. Бунина, предпочитающего именно в рассказе, адресованном собеседнику и произнесенном в кафе, упоенно переживать, переощущать давно испытанную телесно-эротическую близость. Чувственно тонкая красота, эмоциональная насыщенность, эротическое упоение интимной близостью – условие полноты и произошедшего много лет назад события, и воспоминания о нём, и рассказа о том событии, выстроенном по всем правилам изысканной беседы. В той близости, и в моменте её осуществления, и в воспоминаниях о ней, и в рассказе, в который трансформировались эти воспоминания, превалирует эстетическое, точнее чувственно-эротическое, начало. Неслучайно собеседник художника – старый моряк – в ответ на такие воспоминания-признания произносит на французском языке и с усмешкой: «*Vieux satire*» [8, с. 355], что означает «старый сатир». Это эстетически-эротическое начало, погружение в него в воспоминаниях, выстроенных в повествование для другого, чужого по отношению к ним человека, обнаруживает возможность подлинной и предельной откровенности, личностной свободы чувств, мыслей, поступков. Бунинский герой мотива благодаря эстетически принятой и пережитой полноте интимной близости с люби-

мой и любящей женщиной оказывается в ситуации, когда перед ним, казалось бы, нет и не может быть морально-этического выбора, проблемы долга, чести и страсти. Все рубежи в отношениях, которые были значимы для тургеневских героев мотива, бунинскими были перейдены и пережиты.

Этот мотивный момент важен, если помнить, почему и что случилось, какие последствия имела физическая близость для героев «Первой любви» и «Вешних вод» И. Тургенева. Интимная и духовная близости для героев мотива *русский человек на rendez-vous* – это своеобразный и аксиологический маркер, который выявляет, определяет и их зависимость от внешних, внутренних моральных предписаний, и их нравственную сущность во время любовной истории, а затем обуславливает направление, наполнение воспоминаний по прошествии многих лет после решающего свидания. Интимная и духовная близости для героев мотива – это возможность приближения к своим нравственным возможностям и основаниям, которые проявляют подлинную сущность их я, мировосприятия. В этом плане показательны не только последние абзацы «Аси», когда г-н Н деликатно и утонченно-бережно, но однозначно подчеркивает особую, не телесную, но нравственную и духовно-интимную роль Аси в его жизни. Герой, следуя императивам добра, морально окрашенными сокровенными воспоминаниями выделяет её из общего ряда женщин, которых он всего лишь «знавал» [9, с. 28]. В «Первой любви» этот момент в самом конце рассказа героя, когда история любви его отца и княжны Зинаиды почти закончилась, звучит сильнее и приобретает черты обобщенно философского вывода. Для героя, который переживает и свою, и чужую любовные трагедии, время и жизнь уплотняются, насыщаются переживаниями, заставляя понять через осмысления произошедших событий, что такое *нравственная память*. Это тот ключевой мотивный момент, который, как правило, трактуется в качестве ведущего аргумента в интерпретации основ, причин и последствий слабости *слабого человека* – героя мотива *русский человек на rendez-vous*. Интимно-телесное, точнее эстетически-эротическое, моральное и нравственное со-противопоставляются, образывая внутренне единство, неподдающееся моральной оценке. Этот парадокс переживает герой «Первой любви» и во времена событий, и в воспоминаниях о них. Он признается, что после всего случившегося против отца у него «не было никакого дурного чувства» и что он даже после случая с хлыстом «в первый и едва ли не в последний раз увидел, сколько нежности и сожаления могли выразить его [отца] строгие черты» [9, с. 62, 64]. Аналогично и в «Дворянском гнезде» Лаврецкий по прошествии многих лет приходит к скамье, на которой впервые и только один раз поцеловал Лизу, переживая не столько чувственные, сколько моральные ощущения. Это сложное со-противопоставление трёх начал осуществляется у И. Тургенева не на основе неприятия, неодобрения эротически-чувственного начала в платонически-возвышенной любви, а на ином. Герои обнаруживают невозможность обманывать себя в воспоминаниях в отношении случившегося, которое непоправимо в житейском, катастрофично в моральном и сюрпризно в нравственном планах. Эстетически-чувственное, моральное и нравственное начала образуют пространство и границы правды, основу для приближения к подлинному я героев, их отношений с героинями, и наполнение воспоминаний.

Пожалуй, можно сделать вывод, что *русский человек на rendez-vous* – это литературно-общественный образец личности, неизменно обреченной переживать в воспоминаниях и моральные страдания, и, главное, нравственные перипетии, через них приближаясь к сущности совершенного ими, казалось бы, странного и опрометчивого поступка. Но именно странность совершенного поступка и обнаруживает коллизию моральности и нравственности, которая проявляется и осуществляется через жизнь думающего, чувствующего, страдающего, ищущего внутреннее равновесие и не находящего его героя. *Памятливость совести* – это своеобразный, мучительный путь героя к этому равновесию, постижению и примирению совершенного поступка и его последствий. В мотиве изначально и постоянно формируется, развивается «поэтика поступка» [1, с. 56] человека, постепенно и неотвратно обнаружившего практикой своей жизни бездну между моральными предписаниями и нравственностью свободного личностного выбора. Постигание сущности этой бездны – неизбежность, неотступность нравственной памяти, неотвратимое и непреодолимое внутреннее одиночество всей жизни героя после (не)совершенного выбора.

Катарсис совести, который у героев мотива происходит почти тотчас после (не)совершенного выбора, – это не только осознание ответственности за непоправимый поступок, но и открывшаяся возможность понимания себя как совершенного свободной от моральных предписаний, давления общественного мнения личности, пережившей встречу с Судьбой. Это свобода не только самопознания, но и свобода от давления изнутри императивов добра (о чём размышлял В. Библер), которые, ни в коем случае, и это главное, не оборачиваются аморализмом, цинизмом или неверием в базисные человеческие ценности. Герои мотива остаются наедине с неотступностью воспоминаний и со своим я, обречённым после пережитой любви и (не)совершенного выбора на поиски нравственных оснований и того единственно подлинного события, и своего поступка. Ощущаемая героями коллизия морали и ответственности, обнаружившаяся через их поступок и проявляющаяся в воспоминаниях о нём, одновременно и образует защиту от личностной деградаци, разрушения, и обрекает на трагедию ответственности. *Нравственный катарсис* для героев мотива – это неизбежное, длиною в собственную жизнь осмысление того, что «...есть ситуация созидания нравственности и личной ответственности за *эту*, единственный и уникальный поступок» (курсив автора – Э.Ш.) [1, с. 19]. Герой мотива – это герой единственного и поистине уникального поступка, природу и значение которого он будет ощущать, осознавать, вспоминать, переосмысливать, *перепереживать* (Р. Грюбель) постоянно и неотвратимо. *Памятливость совести* даёт героям мотива последнюю возможность предельно честного признания как выбора, подлинного значения единственного подлинного и неповторимого поступка их жизни, когда особую значимость приобретают честность с собою и знание о том, что «...моральные предписания, неукротимо шепчущие мне, в чем состоит единственно правильное поведение, абсолютно необходимы. Но в трагедийные моменты нашей жизни эти нормы отказывают, обнаруживают свою вненравственную закраину», которая реализуется в «*безысходные перипетии свободного личного поступка*» (курсив автора – Э.Ш.) [1, с. 18].

Любовная история в воспоминаниях-рефлексии героя предстаёт как история своеобразной нравственной недоразвитости, в смысле неопытности, неосознанности себя, опрометчивости, эгоистичности, страха молодости или ложно, тривиально воспринимаемых моральных норм, довлеющих над героем и закрывающим от него подлинные смыслы любви, её выбора и поступка как личностной ответственности за них. Вследствие такого подхода вполне правомерно трактовать *русского человека на rendez-vous* как мотив традиционной коллизии долга и личного счастья; любовной страсти и морально-этических предписаний; должного перед обществом, честью, совестью порядочного человека и подлинными желаниями я, что долгое время и господствовало в критике и литературоведении. Однако это не совсем так, и анализ «Гали Ганской» показывает, что и для героев первой половины XX ст., переживших всю полноту любовных отношений, присущи те же проблемы, последствия, обречённость жизни после *нравственного катарсиса*, что и тургеневским героям.

Акцентирую внимание ещё раз: вне идеи *памятливости совести* многие существенные моменты в мотиве, особенно в их бунинской интерпретации, так и останутся непонятными, не вписывающимися в общую мотивную модель и линию развития. Ведь в «Гале Ганской» отзвуки парижских настроений, загородной усадьбы отца героини, неотступное ощущение курортной и дачной свобод, атмосфера творчества, вольности богемной жизни, молодости, лёгкости, влюблённости, почти ни к чему не обязывающего флирта являются основополагающими. Вызванные ими настроения, привели и к встречам, и к интимной близости влюблённых. В связи с этим возникает один вопрос: действительно для этой новеллы И. Бунин важен мотив *русский человек на rendez-vous*? Ведь в ней нет для героев необходимости дальнейших серьёзных отношений, нет в традиционном для мотива понимании решающего объяснения и странности поведения на любовном свидании. Ссора любовников вызвана обычным женским капризом, эгоизмом героя, и любовным отношениям, по сути, ничего не мешает, кроме банального, житейски-мужского представления о жизни героя. Впрочем, он честно заявляет по поводу своей поездки в Италию: «Но пойми, что я вернусь через какой-нибудь месяц, много через полтора» [8, с. 360]. Однако в воспоминаниях именно эта любовная история и становится для героя единственным подлинным событием в жизни, которое по прошествии 20 лет обнаруживает подлинную катастрофу и трагедию его я. Проблема

ма здесь не столько в том, что героиня покончила с собою, сколько в ином. Изначально их отношения были странными, обреченными на гибель из-за природы их любви и неизменности поступка героя в ситуации выбора.

Герой новеллы в воспоминаниях с особенным эстетическим упоением и наслаждением сосредотачивается и на общих эротических ощущениях, и на сокровенной телесно-психологической чувственности. Эстетика воспоминаний для героя – это возможность воссоздать и пережить, именно как в акте творчества, событие любви. Пластичность, скульптурность ощущений, сопряженных с любимой и любящей женщиной, состоянием влюбленности, процессом эмоционального и телесного сближения – это то, что позволяет герою в акте воспоминаний обнаружить причины и мотивы его поступка. Здесь эстетическое и нравственное встречаются, позволяя друг другу проявиться и осуществиться во всей полноте. Художник помнит и не боится рассказать постороннему человеку в публичном месте о своих интимных, чувственно-эстетических ощущениях: «Сел и посадил ее к себе на колени, – знаешь, эту восхитительную женскую тяжесть даже легоньких?» [8, с. 355]. Он, как подлинный художник, творит и при этом заново переживает в создаваемых им воспоминаниях-картинах давние телесно-эстетические наслаждения. И. Бунин специально подчеркивает через синтаксис важность и *перепереживания* (Р. Грюбель) ощущений, и привлечения к этому внимания собеседника: «...и у меня, понимаешь, просто потемнело в глазах при виде ее розоватого тела с загаром на блестящих плечах и млечности приподнятых корсетом груди с алыми торчащими сосками, потом от того, как она быстро выдернула из упавших юбок одна за другой стройные ножки в золотистых туфельках, в ажурных кремовых чулках...» [8, с. 357]. В этих воспоминаниях и рассказе нет аморализма, цинизма благодаря взаимному осуществлению предельно личностно-чувственного и нравственного.

Хотя создаётся впечатление, что для бунинского героя мотива, в отличие от тургеневских, в воспоминаниях преобладают эмоционально насыщенные, чувственно-эротические моменты, воплощаемые в стройный, проникновенно-личностный, но всё же рассказ о них. Кажется, что откровенное эстетически-эротическое воспоминание превращается исключительно в эстетически совершенное произведение, поэтому и стоящее по другую сторону совести. Это почти художественное произведение, несмотря на ответ героя на реплику о старом сатире («Не говори глупостей, – сказал художник. – Мне все это очень больно вспоминать» [8, с. 355]), лишено представлений о морали, но знает и чтит законы и ценности эстетического. Ведь даже встречу с героиней через год после первого свидания художник помнит и описывает, как произведение искусства, как картину: «Вышли на обрыв – подуло свежим ветром. Сады уже одеваются, млеют под солнцем, а море точно северное, низкое, ледяное, заворачивает крутой зеленой волной, все в барашках, вдали тонет в сизой мути, одним словом, Понт Эвксинский» [8, с. 356]. Казалось бы, что *памятливость совести* героя всего лишь усложняется, отягощается или дополняется радостью и красотой в их эпоху почти не запретного, тем более, не табуированного и взаимного, желанного чувственно-физического переживания. Неслучайно художник сразу же вводит тот неповторимый, уникальный поступок в двойную систему координат – нравственную и эстетическую, внутреннюю разность которой пытается примирить: «Вероятно, у каждого из нас найдётся какое-нибудь особенно дорогое любовное воспоминание или какой-нибудь особенно тяжкий любовный грех. Так вот, Галя есть, кажется, самое прекрасное моё воспоминание и мой самый тяжкий грех, хотя, видит бог, всё-таки невольный» [8, с. 352–353].

Однако, следуя такой, в принципе традиционной логике рассуждений, важно помнить следующее. Бунинский герой, как и тургеневские, в полной мере переживает последствия безвыходных перипетий свободного личностного поступка, нравственного катарсиса и памяти совести, как это обозначил В. Библиер. Бунинский герой, как и тургеневские, во-первых, пытался защититься морально-этическими представлениями о долге, порядочности от любви и предъявляемых ею требований: он не виделся с героиней целый год – «боялся, что второй раз не пожалею...» [8, с. 356]. Во-вторых, он, скрыв от Гали свой отъезд в Италию, фактически совершил предсказуемое и неизбежное для героев мотива бегство от любви, любимой и ответственности за них. Неслучайно ведь на вполне естественное и недолгое (месяц – полтора) для художника путешествие героиня отвечает: «Я вас поняла – все, все поняла! И если бы вы сейчас стали клясться мне, что вы никуда и никогда вовеки

не поедете, мне теперь все равно. Дело уже не в этом!» [8, с. 358]. Героиня права: герой уже сбежал, малодушно, эгоистично и опрометчиво предав себя, героиню и единственно подлинное чувство. Его тривиальная ложь об отъезде – это поступок, который и заставляет героиню почти мгновенно ощутить, понять его подлинную сущность и принять решение. Обыденная, на первый взгляд, ссора вводит в мир героев проблему нравственных перипетий. Героиня, как почти все героини мотива, решается на радикальный и непоправимый шаг, а герой – обречён на мучения *памятливостью совести*, которая не смогла в начале отношений прорваться сквозь моральные предписания и представления.

С осознания бунинским героем, живущим модными идеями а-ля Мопассан, опасности, невозможности и неправильности их осуществления с героиней, и начинается приход в его жизнь любви и нравственности свободного личностного поступка. Нравственное начало, базирующееся на лично свободном выборе, ответственности за него, и моральное начало, ориентированное на *моральную ценность вне себя* (В. Библер), противостоят друг другу для бунинского героя так же, как и для тургеневских. Хотя обстоятельства, представляющие моральные ценности разные для тургеневских (зависимость от общественного мнения) и бунинского героя (дань модным идеям), но причина противостояния морали и нравственности неизменна. Это любовь и, главное, (не)совершенный на решающем свидании выбор, в воспоминаниях переживаемый как подлинный трагедийный момент жизни. Это, собственно, и обнаруживает недостаточность, ущербность, обезличивание моральных представлений и необходимость нравственности свободного и осмысленного личностного поступка. Ю. Мальцев в книге «Иван Бунин» (1994) эту особенность охарактеризует так: «Бунинская любовь – это <...> "эрос" доплатоновский, ... именно древний неистовый "пафос", захватывающий всё существо, а не вялая похоть или убогий разврат... <...> Катастрофичность любви у Бунина вытекает из самого ее характера. Это разрыв с буднями жизни и выход в совершенно иное измерение. <...> Такое состояние ... несовместимо с течением будничной жизни <...> и, следовательно, у любви не может быть счастливого житейского конца. <...> счастье влюблённых будет катастрофически прерываться какими-нибудь внешними обстоятельствами, но катастрофичность такой любви заключена в ней самой...» [10, с. 219]. В этом плане новелла И. Бунина близка тургеневским произведениям, для героев которых тоже значимо, что у любви не бывает завтрашнего дня, а любая нерешительность, сомнение, каприз, дань моральным нормам, житейским стереотипам, морально-этическая неловкость, трусость, эгоизм – это знак уже впущенной в жизнь необратимой катастрофы и предвестники *нравственного катарсиса*.

В «Гале Ганской» есть все условия для дальнейшей обычно-счастливой жизни героев: они уже выбрали друг друга, признались в любви и даже могут пожениться. Однако И. Бунин создал такую ситуацию, которая обнаруживает не моральную, исторически-общественную, социально-политическую (как это трактуется в случае с тургеневскими героями) или же тривиально повседневную, а прежде всего нравственную и экзистенциальную невозможность жизненного осуществления почти сделанного выбора счастья взаимной любви. Непреодолимая, мелочная эгоистичность героя, его банальный каприз и страх, стремление следовать штампам из модной беллетристики и подражать героям Мопассана, на чём И. Бунин сосредоточивает внимание, антитетичны подлинности любви, пережитой и принятой красоте женщины, губительны для них: «Я хотел кинуться за ней, но удержался: нет, пусть придет в себя, вечером отправлюсь в Отраду, скажу, что не хочу огорчать ее, в Италию не еду, и мы помиримся» [8, с. 360]. По прошествии почти всей жизни герой отчётливо помнит этот внутренний аргумент, точнее эскиз сценки примирения, заставивший его совершить «особенно тяжкий любовный грех» [8, с. 352]. Пошлая, быстро, без усилий мысленно построенная героем на галантерейных штампах театрализация примирения после ссоры – это и есть подлинная причина (не)совершенного выбора и отчётливой нравственной памяти о нём. И. Бунин специально делает акцент на сути греха героя, выводом тем самым случившееся за границы пространства обыденных историй любовных романов, подчёркивая, как и почему герой воспринимает и вспоминает произошедшее. Давление модных стереотипов, этически-моральных представлений не исчезают и не нивелируются подлинностью принятого и пережитого во всей полноте чувственно-эстетического начала, но, как и для героев И. Тургенева, оказываются одним из решающих факторов (не)совершен-

ного выбора. Всё это, впрочем, как и всегда в мотиве *русский человек на rendez-vous*, выявляет и невозможность дальнейшей счастливой будничной жизни для героев, и неизбежность катастрофы героя. *Памятливость совести*, обнаружение силы нравственности обрекает его на непреодолимое одиночество.

Памятливость совести героя будет постоянно и неизбежно возвращать его в то единственное и уникальное событие, но одновременно будет всё отчётливее и неизбежнее проявлять и неизменную неспособность героя на поступок. Неслучайно художник в «Гале Ганской» начинает свой рассказ о (не)совершенном выборе и любви с эстетических переживаний, обращенных на одно исключительное событие: «...как прекрасен Париж весной и как очаровательны парижанки в первых весенних костюмах. <...> Только я всегда вспоминаю как-то нераздельно парижские весны и одесские, они у меня чередовались, ты ведь знаешь, как часто ездил я в те времена в Париж весной... Помнишь Галю Ганскую?» [8, с. 352]. Как неслучайно, что это воспоминание о «деле столь давнем» [8, с. 353] заканчивается признанием неспособности героя ни на открывающий *безысходные перипетии свободный личный поступок* (В. Библер), ни на сильный душевный порыв, слом: «Я хотел застрелиться, – тихо сказал художник, помолчав и набивая трубку. – Чуть с ума не сошел...» [8, с. 360]. Выход через воспоминания героя из потаенности памяти привёл его, как, впрочем, почти всех героев мотива *русский человек на rendez-vous*, к катастрофе собственной, обреченной не только на одиночество, но и на постоянную, предельно честную *памятливость своей совести*. В этом плане бунинские герои продолжают тургеневские традиции.

Список использованных источников

1. Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность. (Философские раздумья о жизненных проблемах) / В.С. Библер // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. – М.: Изд-во полит. литературы, 1990. – С. 16–57.
2. Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы / отв. ред. чл.-кор РАН Е.К. Ромодановская. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2012. – 311 с.
3. Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы» / Отв. ред. В.И. Тюпа. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1996. – 192 с.
4. Шестакова Э.Г. Развитие мотива *русский человек на rendez-vous* в малой прозе Серебряного века / Э.Г. Шестакова // Серебряный век: диалог культур. Сборник научных статей по материалам III Международной конференции, посвященной памяти профессора С.П. Ильёва. – Одесса: Астропринт, 2012. – С. 428–446.
5. Шестакова Э.Г. О принципах и основах трансформации мотива *русский человек на rendez-vous* в русской словесности XIX – первой трети XX вв. / Э.Г. Шестакова // Антропологические сдвиги переломных эпох их отражение в литературе. – Гродно: ГрГУ, 2014. – Ч. 1. – С. 278–288.
6. Шестакова Э.Г. Феноменология бездомности героев мотива *русский человек на rendez-vous* в русской словесности XIX – первой трети XX вв. / Э.Г. Шестакова // W kręgu problemów antropologii literatury. Topos domu. Doświadczenie zamieszkiwania i bezdomności, pod. red. W. Supy, I. Zdanowicz. – Białystok: Wyd. Uniwersytetu w Białymstoku, 2016. – Т. 1. – С. 41–63.
7. Шестакова Э.Г. Инварианты и трансформация мотива *русский человек на rendez-vous*: от Тургенева-новеллиста к новеллистике Бунина / Э.Г. Шестакова // Уральский филологический вестник. Серия Русская литература XX – XXI веков: направления и течения. – Екатеринбург: УРГПУ, 2017. – № 3. – С. 40–68.
8. Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. / И.А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1988. – Т 5. – 428 с.
9. Тургенев И.С. Вешние воды: Повести. Стихотворения в прозе. – К.: Радянська школа, 1988. – 207 с.
10. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. / Ю. Мальцев. – Франкфурт-на-Майне – Москва: Посев, 1994. – 432 с.

THE MEMORY OF CONSCIENCE IN “A-RUSSIAN-AT-A-RENDEZ-VOUS” MOTIF ON THE MATERIAL OF THE IVAN BUNIN’S NOVEL “GALYA GANSKAYA”

Eleonora G. Shestakova, Donetsk (Ukraine). E-mail: shestakova_eleonora@mail.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-22

Key words: *motive, “a-Russian-at-a-rendez-vous”, tradition, the national verbal and cultural process, the memory of conscience.*

The motive of “a-Russian-at-a-rendez-vous” and his type of hero is entrenched in the creative memory of Russian literature and culture as an initially complicated socially and literary phenomenon by its very nature. Transformations of this motive in the national literature and cultural process often lead to paradoxical results and require new research methods. This determines the relevance and productivity of the extrapolation and adaptation of the philosophical and ethical idea of V. Bibler about the memory of conscience to study the motive “a-Russian-at-a-rendez-vous”. Analysis of I. Bunin’s novel “Galya Ganskaya” from the standpoint of distinguishing spheres of ethic and morality led to the conclusion: the Bunin heroes continue Turgenev traditions. The novella of I. Bunin’s is texts close Turgenev. For their heroes is significantly what the love haven’t tomorrow day and the any indecision, doubt, caprice, tribute to moral norms, everyday stereotypes, moral and ethical awkwardness, cowardice, selfishness is sign catastrophe had been admitted to the life and forerunners of moral catharsis. Aesthetic-sensual, moral principles form the space and boundaries of truth, the basis for approaching the heroes to their true self, their relationship with the heroines, and the filling of memories. It can be concluded that the “a-Russian-at-a-rendez-vous” is a literary and social specimen of a person who is always doomed to experience in his memories both moral sufferings and, most importantly, moral peripetias, approaching the essence of the seemingly weird and reckless act committed by them. But the strangeness of the committed act is discover collision ethic and morally. This collision is manifested and carried out through the life of the hero. This hero is a person thinking, feeling, suffering, seeking inner balance. But he was not finding him. The *memory of conscience* is peculiar, painful way of the hero to this balance, comprehension and reconciliation of the committed act and its consequences. In the motive initially and constantly formed, developed the *poetics of the act* (V. Bibler) of individuality. This individuality gradually and inevitably discovered through his practical life the abyss between ethic prescriptions and the morality of free personal choice. The collision of ethic and morality perceived by the heroes is discovered through their deed and manifested in the memories of him. This collision at the same time provides protection against personal degradation, destruction, and sentences to the tragedy of responsibility. Hero of the motive is the hero of the only and truly and unique action. Hero constantly and inevitably will be feel, recognize, recollect, rethink nature and sense this unique action. The *memory of conscience* gives the heroes of the motive the last opportunity for extremely honest recognition, as a choice, of the true meaning of the only genuine and unique act of their life.

References

1. Bibler, V.S. *Nravstvennost'. Kul'tura. Sovremennost'. (Filosofskie razdum'ja o zhiznennyh problemah)* [Moral. Culture Modernity. (Philosophical thoughts about life problems)]. *Jeticheskaja mysl': Nauch.-publicist. Chtenija* [Ethical Thought: Scientific Publicism Readings]. Moscow: Izd-vo polit. Literatury Publ., 1990, pp.16-57.
2. Romodanovskaya, Ye.K. (ed.) *Sjuzhetno-motivnye komplekxy russkoj literatury* [Subject-motivational complexes of Russian literature]. Novosibirsk, Institut filologii SO RAN Publ., 2012, 311 p.
3. Tiupa, V.I. (ed.) *Materialy k "Slovarju sjuzhetov i motivov russkoj literatury"* [Materials to the “Dictionary of plots and motives of Russian literature”]. Novosibirsk, Institut filologii SO RAN Publ., 1996, 192 p.
4. Shestakova, E.G. *Razvitie motiva russkij chelovek na rendez-vous v maloj proze Serebrjanogo veka* [The development of the motive of the Russian people on rendez-vous in the short prose of the Silver Age]. *Serebrjanyj vek: dialog kul'tur. Sbornik nauchnyh statej po materialam III Mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati professora S.P. Il'jova* [Silver Age: the dialogue of cultures. Collection of scientific articles based on the materials of the III International Conference dedicated to the memory of Professor S.P. Iljev]. Odessa, Astroprint Publ., 2012, pp.428-446.
5. Shestakova, E.G. *O principah i osnovah transformacii motiva russkij chelovek na render-vous v russkoj slovesnosti XIX – pervoj tretej XX vv.* [On the principles and foundations of the transformation of the motive of the Russian people to render-vous in Russian literature of the 19th – first third of the 20th centuries]. *Antropologicheskie sdvigi perelomnyh jepoh ih otrazhenie v literature sb. nauch. st. v 2-h ch.* [The anthropological shifts of the turning epochs are reflected in the literature]. Grodno, GrGU Publ., 2014, issue 1, pp. 278-288.
6. Shestakova, E.G. *Fenomenologija bezdomnosti geroev motiva russkij chelovek na rendez-vous v russkoj slovesnosti XIX – pervoj tretej XX vv.* [The phenomenology of the homelessness of the motives of the motives of the Russian people on rendez-vous in Russian literature of the 19th – first third of the

20th centuries]. *W kręgu problemów antropologii literatury. Topos domu. Doświadczenie zamieszkiwania i bezdomności* [Among the problems of literature anthropology. Topos of the house. Experiencing residence and homelessness]. Białystok, Wyd. Uniwersytetu w Białymstoku Publ., vol. 1, 2016, pp. 41-63.

7. Shestakova, E.G. (2017). *Invarianty i transformacija motiva russkij chelovek na rendez-vous: ot Turgenewa-novellista k novellistike Bunina* [Invariants and transformation of the motive of the Russian people on rendez-vous: from Turgenev-novelist to the Bunin storytelling]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija Russkaja literatura XX – XXI vekov: napravlenija i techenija* [Ural philological bulletin. Series of Russian Literature of the 20th – 21st centuries: Directions and Trends]. Ekaterinburg, URGPU Publ., 2017, no. 3, pp. 40-68.

8. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenij: V 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1988, vol. 5, 428 p.

9. Turgenev, I.S. *Veshnie vody: Povesti. Stihotvorenija v proze* [Spring waters: Stories. Poems in prose]. Kiev, Radyanska shkola Publ., 1988, 207 p.

10. Mal'cev, Ju. *Ivan Bunin. 1870–1953* [Ivan Bunin. 1870-1953]. Frankfurt-na-Majne; Moscow, Posev Publ., 1994, 432 p.

Одержано 21.09.2018.